Бадмаева Л. Б.

Проблема лингвистического анализа летописного текста бурят¹

Аннотация. Статья посвящена лингвистическому анализу языка памятника письменной культуры бурят XIX в. – летописи «История монголо-бурят, составленная главным тайшой селенгинских монголо-бурят Дамби-Жалцан Ломбоцыреновым» (1868), написанной на монгольском письме. С позиции лингвистики текста выявлены лексические, морфологические, синтаксические особенности летописного текста, рассмотрены варианты перевода на русский язык и переложения на современный бурятский язык с точки зрения соответствия друг другу. Летописный памятник представляет собой ценный источник по языку, истории и культуре селенгинских бурят. На современном этапе лингвистическое источниковедение представляется одним из актуальных направлений монголоведения. Монгольское письмо как письменный литературный язык бурят использовалось с XVII в. до 1936 г., на котором созданы уникальные сочинения разных жанров, но наиболее развит жанр исторических хроник. Традиция летописания у бурят продолжалась и в XX в. Исследование дает материал для изучения функционирования монгольского письма в разных регионах монголызычного мира. Летописный памятник, являясь отражением языковой картины монгольского мира, представляет большой интерес для историков, филологов, культурологов.

Ключевые слова: монгольское письмо, бурятские летописи, летопись селенгинских бурят, лингвистика текста, сверхфразовое единство (СФЕ), сложный синтаксический комплекс (ССК), лексико-грамматические особенности текста.

Badmaeva Larisa Batoevna

The Problem of the Linguistic Analyses of the Buryat Annalistic Text

Abstract. The article is devoted to the linguistic analyses of the language of the monument of the written culture of the Buryats of the XIX th century – Chronicle “History of the Selenga Mongol-Buryats, compiled by the main taisha of the Selenga Mongol-Buryats Dambi-Zhaltsan Lombotsyrenov” (1868), writ-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности, № 121031000258-9»).

ten in Mongolian script. From the point of view of the linguistics of the text, the lexical, morphological, syntactic features of the annalistic text are revealed, the variants translation into Russian and transcription into the modern Buryat language are considered from the point of view of their correspondence to each other. The chronicle is a valuable source on the language, history and culture of the Selenga Buryats. Now, linguistic source studies seem to be one of the topical areas of Mongolian studies. The article is devoted to the presentation of the maintenance, structure of the annals of Selenga buryats and the personality of author too. The Buryats have been used the Old Mongolian script as a written literary language since the 17th century until 1936. There were created unique compositions of different genres in it. The genre of historical chronicles is the most developed. The tradition of chronicle writing among the Buryats was continued in the 20th century. The article provides material for study the functioning of Mongolian script in different regions of the Mongolian-speaking world. The chronicle, being a reflection of the linguistic picture of the Mongolian world, is of great interest to historians, philologists, and culturologists.

Key words: the Old Mongolian script, the Buryat chronicles, the chronicle of the Selenga buryats, linguistics of the text, overphrasian unity (OPhU), compound syntactic complex (CSC), lexical and grammatical features of the text.

На современном этапе лингвистическое источниковедение представляется одним из перспективных направлений монголоведения, поскольку разностороннее изучение письменных памятников дает ценные сведения для разработки вопросов истории формирования монгольских языков, их исторической диалектологии, а также истории этноса.

Предки селенгинских бурят принесли из Монголии буддийскую религию, старописьменный язык и традицию летописания. Впервые в Бурятии они начали писать свои летописи с конца 1820-х годов, и в это дело большую лепту внес Юмдылык (Дамби-Жалцан) Ломбоцыренов, будучи главным тайшой селенгинских бурят в 1822–1836 гг. Им в 1832 г. была написана «История шаманки Асуйхан», посвященная истории шести селенгинских родов, имеющих добайкальское происхождение. Рукопись хранится в фондах Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге. Рукопись была включена в общеселенгинский свод исторических хроник и генеалогических заметок о родовитых предводителях селенгинских бурят, известного под названием «*Бичихан запискэ*». В этот же свод включена рукопись Ю. Ломбоцыренова «Заметки о роде хатагин».

Дамби-Джалцан (это имя, присвоенное ему после принятия им простейших обетов *убаши*, без посвящения в ламы) Ломбоцыренов родился в 1810 г., происходит из рода бабай-хурамши, который относится к шести бурятским родам, вышедшим из Предбайкалья и присоединившимся к селенгинским бурятам. Он родился на новом месте расселения своего рода и с детских лет вращался в новой языковой среде. Неизвестно, где он обучался старомонгольской грамоте, но, по-видимому, его обучали этому языку с детских лет. Ведь он был назначен тайшой Селенгинской степной думы в 1822 г., когда ему было всего 12 лет, после смерти отца Ломбоцэрэна. Поскольку он был малолетним, при нем в течение шести лет был регентом Ниндак Вампилов. Несомненно, что его с ранних лет обучали старомонгольскому языку, т.к. на нем велось, прежде всего, делопроизводство. И его труды, написанные на монгольском письме, показывают, что он достаточно хорошо усвоил навыки речепроизводства на этом языке.

Летопись «История селенгинских монголо-бурят», созданная в 1868 г., свидетельствует о том, что ее автор Ю. Ломбоцыренов был человеком с широким кругозором и верно оценивал события, имевшие место, как в монгольском мире, так и в целом в России.

Как пишет Ц.Б. Цыдендамбаев, «Дамбиджалцан (Юмдылык) Ломбоцыренов относится к числу крупных бурятских летописцев» [Цыдендамбаев 1972: 117]. Первый издатель этой летописи Н.Н. Поппе отмечает: «О труде Ломбо Цэрэнова следует заметить, что он принадлежит к малоизвестным, но очень ценным источникам по истории бурят, являясь одной из очень немногих известным нам хроник селенгинских бурят» [ЛСБ 1936: II].

Текст летописи Ломбоцыренова «История селенгинских монголо-бурят» был издан Н.Н. Поппе в 1936 г. на старописьменном монгольском языке в виде первого выпуска под названием «Летописи селенгинских бурят». В конце XX в. летопись была переложена на современный бурятский язык доктором Ш.Б. Чимитдоржиевым и опубликована в сборнике «*Буряадай түүхэ бэшэгүүд*» [БТБ 1992: 126–152]. Впервые эту летопись перевел на русский язык Б.Д. Доржиев и опубликовал в 1989 г. в газете «Красная Селенга». Затем этот перевод Б.Д. Доржиева и Ш.Б. Чимитдоржиева был включен в сборник «Бурятские летописи» [БЛ 1995: 103–131], дополненный вариант был опубликован в новом издании бурятских летописей [БЛ 2011: 82–104].

В связи с этим следует отметить заслуги бурятских историков и востоковедов Ш.Б. Чимитдоржиева, Ц.П. Ванчиковой, Г.Н. Очировой, Б.Д. Доржиева, М.В. Аюшеевой и других в публикации, переводе на русский и переложении на современный язык бурятских летописей и тем самым заложивших основы для широкого, в том числе исторического и лингвистического изучения данных памятников.

В настоящее время интенсивно развивается относительно новая область синтаксиса – лингвистика текста, или учение о сложных синтаксических целых (ССИЦ), в котором в результате исследований последних десятилетий выделились три самостоятельные научные дисциплины: общая теория текста, грамматика текста и стилистика текста. Лингвисты подчеркивают актуальность, теоретическую и практическую значимость изучения вопросов данной области, так как знание механизма порождения текста необходимо при обучении связной речи, актуализации речевой деятельности.

Исследователями предложен целый ряд определений текста как лингвистического понятия. Например, И. Р. Гальперин понимает текст как «...произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых сверхфразовых единиц (СФЕ), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981: 18].

Труд Д.-Ж. Ломбоцыренова весьма удобен для специального лингвистического изучения языковых и стилистических особенностей, ибо он легко распадается на отдельные микротемы. Каждая микротема раскрывается путем использования такой речевой единицы как сверхфразовое единство (СФЕ), состоящее обычно из нескольких предложений, объединенных одной темой и имеющих законченный смысл.

Однако безоговорочно признать старомонгольские конструкции сверхфразовыми единствами или сложными синтаксическими целыми (ССИЦ) не представляется возможным. Дело в том, что данные конструкции состоят не из самостоятельных законченных предложений, а из зависимых предикативных единиц с одним финитным сказуемым, которое придает им формальную завершенность. Полагаем, что подобные полипредикативные конструкции лучше всего называть сложными

синтаксическими комплексами (ССК) с монофинитным синтаксическим механизмом построения. И наиболее плодотворным представляется изучение подобных конструкций с позиции лингвистики текста [Бадмаева 2012: 208].

При этом нами осуществляется комплексный анализ сложных синтаксических комплексов, т.е. описываются синтаксические, морфологические и лексические особенности, а также выявляются написания, отклоняющиеся от норм классического старописьменного монгольско-го языка.

Изучение летописи Д.-Ж. Ломбоцыренова как текста, разъединяемого на сложные синтаксические комплексы, показывает, что внутри таких комплексов некоторые предложения или их части лишь намечены, выражены весьма нечётко, для более ясного выражения мысли не используются все языковые средства, в частности, порядок составляющих частей в предложении или целых предложений в составе ССК. Вся нечеткость выражения мысли приводит к различной интерпретации и восприятию одного и того же фрагмента текста, к расхождению между переложением на современный бурятский язык и переводом на русский язык.

Здесь нет возможности привести все случаи, поэтому приведем лишь отдельные примеры из текста летописи. Например, самое первое предложение летописи: *orus ulus-un jegün sibiri-du sayuγči ünen itegel-tü albatu qasaγ-ud mongyol buriyad negüüdel bolun / qamniγan tenügür busu törültün emüne šajin-tun kemen aldaršiγsan jon-u erte čaγ-un uγ ijaγur ün-düsü-ü domuγ / bičig ügei* [ЛСБ 1936: 2].

Этот текст издателями на современный бурятский язык переложен следующим образом: *Ород гүрэнэй эрхэтэд, Зүүн-Сибирьтэ хуугша үнэн этигэлтэ албата хасагууд, нүүдэл монгол-буряадууд, ой тайгаар зөөжэ ябадаг хамнигад ба буса түрэлтэн, бөө мүргэлтэн, бурханай шаажантан урда сагһаа уг изагуур үндэһые домоглоһон түүхын бэшиэмэл зохёолгүй юм* [БТБ 1992: 126].

Этот же текст в русском переводе: «Верноподданные Российского государства – казаки, кочующие монгол-буряты, бродячие хамниганы, именуемые инородцами, шаманисты, буддисты, не имеют письменных исторических родовых хроник» [БЛ 1995: 103].

Согласно требованиям лингвистического перевода, переложение и перевод должны в точности соответствовать друг другу. В нашем же случае, как видно, этого нет. К сожалению, в переложении появилась

не заданная оригиналом синтагма «*ород гүрэнэй эрхэтэд*» ‘граждане Российского государства’, к которым отнесены все названные субъекты – казаки, кочевые монголо-буряты и бродячие хамниганы. Вместе с тем слова *эрхэтэд* ‘граждане’ в оригинале нет и его не должно быть, ибо инородцы в царской России не были наделены полными политическими правами.

В русском же переводе это слово отсутствует, однако определение *ünen itegel-tü albatu* ‘верноподданные’ (досл. ‘ссоблюдающие верность подданные’) отнесено ко всем субъектам данного высказывания: *Верноподданные Российского государства – казаки, кочующие монгол-буряты, бродячие хамниганы, именуемые инородцами*.

На наш же взгляд, это развернутое определение относится только к казакам, которые, в отличие от других бурят, присягали государю на верность и служили в его войсках. Атрибутивные словосочетания *tongyol buriyad negüüdel* ‘кочевые монголо-бурятские’ и *qamniγan tenügür* ‘бродячие хамниганские’ относятся к определяемому *busu törültün* ‘инородцы’ в переложении на современный бурятский все существительные, включая определяемое *буса түрэлтэн* ‘инородцы’, приложение *бөө мүргэлтэн* ‘шаманисты’, *бурханай шажантан* ‘буддисты’ даны в одном ряду, как однородные члены предложения: *хасагууд, монгол-бурядууд, хамнигад ба буса түрэлтэн, бөө мүргэлтэн, бурханай шажантан*, т.е. «казаки, монголо-буряты, ... хамниганы и инородцы, шаманисты, буддисты». По существу, то же имеем и в русском переводе, лишь сделана попытка исключить из числа однородных членов сложносоставное слово *буса түрэлтэн*, но оно отнесено лишь к хамниганам: *казаки, ... монгол-буряты, ... хамниганы, именуемые инородцами, шаманисты, буддисты*.

На самом же деле развернутое словосочетание *урда зүгэй шажантан гэжэ алдаршаһан зондо* ‘населения, известного как приверженцы южной религии’ не отраженное и в переложении, и в переводе на русский язык, представляет собой развернутое приложение. Определяемое *буса түрэлтэн* ‘инородцы’ и приложение к нему *зон* ‘народ’, по правилам языка должны оформляться в одном и том же – дательно-местном падеже.

Таким образом, наиболее адекватное оригиналу переложение должно звучать следующим образом: *Орос уласай Зүүн Сибирьтэ ... һуудаг үнэн албата хасагууд, монгол-буряад нүүдэл болон хамниган тэнүүл*

буса түрэлтэн – урда зүгэй шажантан гэжэ алдаршаһан зондо эртэ сагай уг узуур, үндэһэнэй домог бэшэг үгы.

Соответственно научный перевод этого высказывания должен быть таким: «У проживающих в Восточной Сибири Российского государства верноподданных казаков, кочевых монголо-бурятских инородцев и бродячих хамниган – населения, известного как приверженцы южной религии, отсутствуют письменные повествования об их происхождении, древних корнях».

В синтаксическом плане данное высказывание, представляющее собой вступительную часть микротекста на тему «Предания и легенды монголо-бурят», является простым предложением (*domuṣ bičig ügei* ‘письменные повествования отсутствуют’). К подлежащему *domuṣ bičig* ‘письменные повествования’, формально оформленным единственным числом, имеется развернутое определение *erte čay-un uṣ ijayur ündüsü-ü* ‘об их происхождении, древних корнях’. К подлежащему же ориентировано другое определение, выраженное существительным в родительном падеже *jon-u* ‘населения’, которое в свою очередь со своими зависимыми словами является приложением к существительному *busu törülün* ‘инородцы’.

Таким образом, можно считать, что вся левая часть от слова *jon* ‘население’ является необычным способом образованное развернутое пространное определение. В современном бурятском языке подобная ситуация выражается обычно двусоставным предложением, в данном случае с однородными подлежащими *хасагууд, буса түрэлтэд*, определяемым приложением зон с зависимыми словами: *Орос уласай Зүүн Сибирьтэ ... хуудаг үнэн албата хасагууд, монгол-буряад нүүдэл болон хамниган тэнүүл буса түрэлтэн – урда зүгэй шажантан гэжэ алдаршаһан зондо эртэ сагай уг узуур, үндэһэнэй домог бэшэг үгы.* Как видим, в современном языке в сочетании *jon-u erte čay-un ... domuṣ bičig ügei* ‘у населения ... нет древних письменных повествований’ слово *jon-u* трансформируется в *зондо*.

В современном языке части этого предложения оформляются падежными аффиксами и соответствующими знаками препинания, что способствует более легкому восприятию данного текста.

Если взять лексическую сторону, то в этом предложении большинство слов встречается и у других бурятских авторов. Однако у Ломбоцыренова имеются слова, более употребительные в монгольских летописях: *orus ulus* в.м. *orus güren* ‘российское государство’, *ünen itegeltü*

albatu в м. *ünen albatu* ‘верноподданный’. Явным бурятизмом является составное название *jegün sibiri* в м. обычного и характерного для бурятских летописей *doruna sibiri* ‘Восточная Сибирь’. Своеобразными являются слова *tenügür* ‘бродячие’, *emüne šajin-tun* ‘приверженцы южной религии’.

Из морфологических признаков можно отметить употребление причастия настоящего времени *saγuγči* ‘проживающий’ вместо более привычного *saγuday*; также употребление союза *bolun* ‘и’ вместо старомонгольского *böged*; оформление падежным показателем последнего в ряду однородного члена: *uγ ijaγur ündüsü-ü* (ср. совр. *уγ узуурай, уγ үндэхэнэй*) ‘их происхождения, древних корней’.

Отступления от правил классического монгольского языка наблюдаются в написании: 1) аффикса собирательной множественности (*busu törültün* в м. *busu törül-ten* ‘иностранцы’; *emüne šajin-tun* ‘приверженцы южной религии (т.е. буддизма)’; 2) показателя *-ü* после согласного *n*: *ündüsü-ü* в м. *ündüsü-n-ü* ‘корней’. Впрочем, в монгольских сочинениях преимущественно употребляется вариант без конечного *n* основы, чего и придерживается автор; 3) откидная буква «е» написана слитно с основой: *emüne* в м. *emün-e* ‘южный’; 4) «ü» оформлена как двойная: *negüüdel* в м. *negüdel* ‘кочевой’; 5) на конце слова вместо буквы «l» употреблено «r»: *tenügür* в м. *tenügül* ‘бродячий’.

Все изложенное выше свидетельствует о том, что необходимо проанализировать все изданные тексты с позиции теории текста, выявить и интерпретировать также трудные места не только в современных переложениях и переводах, но и в переводах классиков монголоведения Н.Н. Поппе, Г.Н. Румянцева и др. Последние интересны в плане изучения их мастерства.

При этом изучение каждого текста должно завершаться изданием старомонгольского оригинала, его транслитерации латиницей и исследовательской частью, посвященной особенностям языка и стиля летописца.

По нашему мнению, только такой подход к изучению летописных текстов дает возможность получить наиболее адекватный оригиналу текст на современном бурятском и русском языках.

Литература

1. Бадмаева Л. Б. Языковое пространство бурятского летописного текста. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 296 с.

2. Бурятские летописи / Сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова (Пурбуева). Улан-Удэ, 1995. 197 с. (БЛ).
3. Бурятские летописи / Сост. Ц. П. Ванчикова, Ш. Б. Чимитдоржиев, М. В. Аюшеева. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2011. 224 с.
4. Буряты / Отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М., 2004. 633 с.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2006. 144 с.
6. Летописи селенгинских бурят. Хроника убаша Дамби Джалцана Ломбоцэрэнова. Текст издал Н. Н. Поппе // Тр. Института востоковедения. Т. XII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 55 с. (ЛСБ).
7. Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 662 с.
8. Шагдаров Л. Д. Язык и стиль летописи Д.-Ж. Ломбоцыренова «История селенгинских монголо-бурят» / Л. Д. Шагдаров, Л. Б. Бадмаева. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 216 с.
9. Буряадай түүхэ бэшэгүүд / Сост. Ш. Б. Чимитдоржиев. Улаан-Үдэ, 1992. 240 х. (БТБ).

References

1. Badmaeva L. B. Yazykovoe prostranstvo buryatskogo letopisnogo teksta. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2012. 296 s. [In Russ.].
2. Buryatskie letopisi / Sost. Sh. B. Chimitdorzhiev, Ts. P. Vanchikova (Purbueva). Ulan-Ude, 1995. 197 s. (BL). [In Russ.].
3. Buryatskie letopisi / Sost. Ts. P. Vanchikova, Sh. B. Chimitdorzhiev, M. V. Ayusheeva. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2011. 224 s. [In Russ.].
4. Buryaty / Otiv. red. L. L. Abaeva, N. L. Zhukovskaya. M., 2004. 633 s. [In Russ.].
5. Gal'perin I. R. Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya. M.: KomKniga, 2006. 144 s. [In Russ.].
6. Letopisi selenginskikh buryat. Khronika ubashi Dambi Dzhaltsana Lombotserenova. Tekst izdal N. N. Poppe // Tr. Instituta vostokovedeniya. T. XII. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1936. 55 s. (LSB). [In Old Mong.].
7. Tsydendambaev Ts. B. Buryatskie istoricheskie khroniki i rodoslovnye. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1972. 662 s. [In Russ.].
8. Shagdarov L. D. Yazyk i stil' letopisi D.-Zh. Lombotsyrenova «Istoriya selenginskikh mongolo-buryat» / L. D. Shagdarov, L. B. Badmaeva. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN, 2014. 216 s. [In Russ.].
9. Buryaadai tyykhe beshegyyd / Sost. Sh. B. Chimitdorzhiev. Ulaan-Yde, 1992. 240 kh. (BTB). [In Buryat].